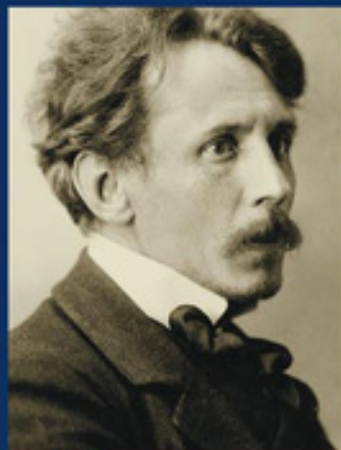

ВЛАДИМИР
АЙЗЕНШТАДТ

МАРГАРИТА
АЙЗЕНШТАДТ

ОЧЕРКИ

ФОНТАНКИ

Из истории
петербургской культуры

Всё о Санкт-Петербурге

Владимир Айзенштадт

**Очерки Фонтанки. Из истории
петербургской культуры**

«Центрполиграф»

2014

Айзенштадт В. Б.

Очерки Фонтанки. Из истории петербургской культуры /
В. Б. Айзенштадт — «Центрполиграф», 2014 — (Всё о Санкт-Петербурге)

По прошествии пяти лет после выхода предыдущей книги «По Фонтанке. Страницы истории петербургской культуры» мы предлагаем читателям продолжение наших прогулок по Фонтанке и близлежащим ее окрестностям. Герои книги – люди, оставившие яркий след в культурной истории нашей страны: Константин Батюшков, княгиня Зинаида Александровна Волконская, Александр Пушкин, Михаил Глинка, великая княгиня Елена Павловна, Александр Бородин, Микалоюс Чюрлёнис. Каждому из них посвящен отдельный очерк, рассказывающий и о самом персонаже, и о культурной среде, складывающейся вокруг него, и о происходящих событиях. Очень надеемся, что собранный материал окажется интересен и вам, наши дорогие читатели.

Содержание

От авторов	6
Константин Николаевич Батюшков	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Владимир Айзенштадт,
Маргарита Айзенштадт
Очерки Фонтанки. Из истории
петербургской культуры**

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Айзенштадт В. Б., Айзенштадт М. Я., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

От авторов

Наконец-то, по прошествии пяти лет, мы предлагаем читателям продолжение наших прогулок по Фонтанке и близлежащим ее окрестностям. Все это время мы не прекращали наши путешествия и делились находками со слушателями «Радио России» и с посетителями «Вечеров на Фонтанке» и «Петербургских сюжетов» в Российской национальной библиотеке, библиотеке Льва Толстого и на тех площадках, куда нас приглашают.

О некоторых героях наших рассказов нам захотелось продолжить рассказ, посвятив новые страницы то следующему поколению, как это случилось с Бело сельскими-Белозерскими (мы рассказали о княгине Зинаиде Волконской, дочери князя Белосельского-Белозерского), то предыдущему поколению (великая княгиня Елена Павловна и семейство ее внуков – Мекленбург-Стрелицких и графини Карловой).

В связи с тем что мы охватываем примерно один круг людей, в некоторых случаях для создания более широкой и яркой картины культурной жизни Петербурга нам приходится ссылаться на события, уже описанные или упомянутые в первой части книги. Всегда интересно посмотреть на одно и то же событие с разных сторон, увидеть его глазами людей, придерживающихся разных взглядов.

Какие-то темы стали нам интересны в связи с юбилеями тех или иных очень значимых, на наш взгляд, событий. Таким, например, стало столетие музыкально-художественного утра в Петербургской консерватории, состоявшееся 15-го апреля 1912 года, посвященное памяти художника-композитора Н. К. Чурлёниса, в котором приняли участие Вячеслав Иванов, С. Маковский, музыканты, хор и симфонический оркестр. В зале и фойе были выставлены произведения художника. На выставке были представлены 102 работы. Пребывание Чурлёниса в Петербурге добавило еще один штрих в художественную жизнь нашего города.

400-летие дома Романовых, 150-летие Петербургской консерватории и 150-летие отмены крепостного права дали повод присмотреться к деятельности великой княгини Елены Павловны.

Двухсотлетие со дня рождения М. И. Глинки побудило обратиться к личности композитора.

Путешествие по Германии, в частности в Гейдельберг, познакомило нас с еще одной страницей петербургской культуры. В 1859 году в Гейдельбергский университет для усовершенствования в области химии едет Александр Порфирьевич Бородин и обнаруживает там группу молодых русских ученых, составивших Гейдельбергский кружок. Среди них были Менделеев, Сеченов, Савич.

Это опять же петербургская культура, перенесенная на другую почву! Было очень интересно заняться этим.

По уже установившейся традиции хочется выразить глубокую благодарность тем, кто помогал нам в работе: председателю совета ОО «Институт Петербурга» И. М. Сергеевой, сотрудникам Российской национальной библиотеки Е. Ф. Строгановой и Е. С. Ребриевой, сотрудникам Центра петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского и лично З. А. Рудая, а также Л. М. Жербиной, И. В. и Г. С. Литвиным, Н. В. Платоновой, В. Е. Ровнеру, С. П. Кречетовой.

Особую благодарность хочется выразить нашему редактору на «Радио России» Николаю Матвеевичу Кавину. Его благожелательная и профессиональная реакция на наши программы помогает отсеивать ненужное и подчеркивать важные аспекты.

Константин Николаевич Батюшков

I

Когда, волнениями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел, наконец, адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!

Это – Константин Батюшков¹.

Странно, но для большинства из нас современная большая русская литература начинается с Пушкина Александра Сергеевича. Державин, Дмитриев, даже В. Л. Пушкин, дядюшка великого поэта, – все это что-то старинное, архаичное. Но начало XIX века ознаменовалось в России бурной литературной жизнью, литературной полемикой. И одной из наиболее заметных фигур этого времени был именно Константин Николаевич Батюшков.

В этом очерке мы будем говорить не только о поэте Батюшкове, но и о его друзьях, в числе которых были и Гнедич, и Жуковский, и Вяземский, и очень молодой Пушкин, и многие, многие другие. Мы также будем рассказывать о культурных событиях его времени, и о тех трагических событиях и в России, и в мире, непосредственным участником которых был Константин Николаевич Батюшков.

Роль Батюшкова в процессе становления русского литературного языка переоценить невозможно.

«Батюшков – записная книжка нерожденного Пушкина», – считал Осип Мандельштам². «Ему [Пушкину] и восемнадцати лет не было, – писал И. С. Тургенев, – когда Батюшков, прочитав его элегию: „Редает облаков летучая гряда“, воскликнул: „Злодей! Как он начал писать!“... Быть может, воскликнув: „Злодей!“, Батюшков смутно предчувствовал, что иные его стихи и обороты будут называться пушкинскими, хотя и явились раньше пушкинских»³.

«Это еще не пушкинские стихи, – писал Белинский о стихах Батюшкова, – но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских... Не имея Батюшкова своим предшественником, Пушкин едва ли бы мог выработать себе такой стих, – продолжает он. – Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтоб имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением»⁴.

По поводу же легенды, изложенной Анненковым и развитой И. С. Тургеневым, о знаменитом восклицании Батюшкова относительно Пушкина: «О, как стал писать этот злодей!», прекрасно сказал Вячеслав Кошелев: «Того восторга и трагического отчаяния, той зависти, которые приписываются в этом апокрифе Батюшкову, вовсе не было в его характере»⁵. Коше-

¹ Батюшков К. Н. Сочинения в 2 томах. Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. А. Кошелева. М., 1989. Т. 1. С. 241.

² Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967. С. 75.

³ Тургенев И. С. Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. М.; Л., 1968. Т. 15. С. 68.

⁴ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина (статья третья) / Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 228.

⁵ Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 265–266.

лев обращает внимание на письма Батюшкова А. И. Тургеневу: «Ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо» [т. 2, с. 499] и Блудову: «Талант чудесный, редкий! Вкус, остроумие, изобретение, веселость... С прискорбием вижу, что он предается рассеянию со вредом себе и нам, любителям прекрасных стихов» [т. 2, с. 522].

По утверждению биографов Батюшкова, он был человеком и устремленным в свое время, и, одновременно, обогнавшим его.

«Литературные эпохи, – говорил Станислав Рассадин, – никогда не начинаются точно по календарю, они или спешат, или – чаще – запаздывают... Новое зреет в чреве старого, о чем чрево... само отнюдь не подозревает»⁶.

Сегодняшние литературоведы обращают внимание, что очерк Батюшкова «Прогулка по Москве», написанный им в 1811 году, – это типичный для 1840-х годов «физиологический очерк», что его наброски военных записок 1815 года и по характеру повествования, и по мыслям очень напоминают «военные рассказы» Льва Толстого, а «Подражания древним» 1821 года как бы предваряют художественные поиски акмеистов.

В начале XX века творчеством Батюшкова заинтересовался О. Мандельштам и расценил многие его достижения как основу достижений современного ему акмеизма: то, что Батюшков еще только «искал» в начале XIX века, «находилось» и востребовалось литературой много позже.

Наше мученье и наше богатство
Косноязычный, с собой он принес...

– писал Мандельштам. «Косноязычный» – вот так! – ведь Батюшков закладывал только самые начатки, самые основы будущих поисков, которые развернулись много позднее. Напомним: «Новое зреет в чреве старого, о чем чрево... само отнюдь не подозревает...»

Иногда произведения Батюшкова литературоведы именуют «историко-литературными парадоксами»: например, его сказка «Странствователь и Домосед» рассматривается как пародия на романтическую поэму, но... она появилась в 1815 году, когда самой романтической поэмы еще и не существовало в русской литературе.

«Как растолкуют это?» – спрашивал Батюшков в записной книжке и сам (в стихотворении «К друзьям») предлагал посмотреть на свое творчество как на

Историю моих страстей. Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья:
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял... [т. 1, с. 164].

Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде 18 мая 1787 года (по старому стилю), в семье среднепоместного дворянина Николая Львовича Батюшкова и его жены Александры Григорьевны, урожденной Бердяевой.

В «Российской родословной книге» П. А. Долгорукова род Батюшковых указан в числе старинных дворянских фамилий, «существовавших в России прежде 1600 года». По семейному преданию, родоначальником Батюшковых был татарский хан по имени Батыш. Он влю-

⁶ Рассадин С. Память сердца, или Русский безумец (Константин Батюшков) / Русские, или Из дворян в интеллигенты. М., 1995. С. 92–93.

бился в русскую княжну, женился на ней и перешел на службу к московским князьям, приняв православие. Они владели поместьями возле Устюжны Железопольской.

Эта романтическая легенда ничем не подтверждается, но уже с начала XVI века Батюшковы числятся в дворянах, выполнявших ответственные поручения московских князей.

Морской кадетский корпус. Фото нач. XX в.

Ко времени рождения Константина его отец, надворный советник, служил в Вологде прокурором. В 1795 году он ушел в отставку в связи с тяжелым душевным заболеванием жены и увез ее на лечение в Петербург, где она и скончалась, когда Константину было всего семь лет.

Страшная болезнь её распростерлась над всем ее родом и поразила троих из пяти ее детей и даже правнука.

Константин знал о тяжелом этом наследии и часто мучился мыслью о неизбежном грядущем безумии.

«С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с годами и чуть было не зачернило всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли – не знаю!» – это из письма В. А. Жуковскому 27 сентября 1816 года [т. 2, с. 405].

Не помня матери, он очень любил ее. В его элегии «Умиравший Тасс» одно из горьких мест – ранняя разлука с матерью (упоминаемый в элегии Асканий – это один из героев поэмы Вергилия «Энеида», потерявший мать).

Соренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор, добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия... [т. 1, с. 255].

С 1791 по 1797 год будущий поэт живет в дедовском имении Даниловское Вологодской области на попечении деда Льва Андреевича, «мужа важного твердостью». Тот обладал харак-

тером крутым и упорным, был начитан и мог научить многому. Во всяком случае, русской грамоте научил Батюшкова дед.

Годы учения Константина проходили в Петербурге, в двух пансионах. Сначала, с 1797 по 1800 год, это был частный пансион Жакино, учителя французской словесности Сухопутного шляхетского корпуса. К сожалению, этот дом не найден. В книге «Литературные памятные места Ленинграда» указано только, что пансион этот занимал целый трехэтажный дом на набережной Невы у 5-й линии Васильевского острова. Затем, с 1801 по 1802 год, обучался в другом частном пансионе учителя Морского кадетского корпуса И. А. Триполи. Он жил в здании Морского кадетского корпуса на Васильевском острове по набережной Невы, между 11-й и 12-й линиями. Адрес этого дома известен – это дом № 17 на набережной Лейтенанта Шмидта. Длинное это здание классической архитектуры с десятиколонным портиком хорошо сохранилось. Здесь же, в квартире Триполи, находился и пансион.

Мальчик свободно владел французским и итальянским языками, сносно знал немецкий, английский, латынь, научился неплохо рисовать и начал интересоваться модными философскими течениями. В продолжение его учебы Николай Львович, отец поэта, в Петербурге не бывал и поручил надзор за ним своему дальнему родственнику Платону Аполлоновичу Соколову. С ним, П. А. Соколовым, связан и первый литературный опыт будущего поэта.

12 марта 1801 года на российский престол вступил Александр I. С его воцарением многие в России связывали большие надежды: «Дней Александровых прекрасное начало...»

Похвальные слова на воцарение Александра I пишут Державин, Карамзин, Шишков. 15 сентября 1801 года известный митрополит Платон (Левшин) произнес знаменитую речь на его коронацию. Константин Батюшков занялся переводом этой речи на французский язык. «В свободное время переводил я речь Платона... – пишет он отцу, – ... а как она понравилась Платону Аполлоновичу, то он хочет ее отдать напечатать. К оной присоединил я посвящательное письмо Платону Аполлоновичу, которое, как и речь, были поправлены Иваном Антоновичем [учителем]» [т. 2, с. 62]. К концу года брошюрка 14-летнего переводчика вышла из печати.

В это время мальчик очень много читает. Список книг, которые он просит отца прислать ему, поражает разнообразием. Здесь издания на французском, немецком, русском языках и совершенно разные по тематике. Уже в 15-летнем возрасте он запоем читал европейских писателей и мыслителей.

Позже, в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии», написанной в 1815 году, Батюшков так отзывался о своих переживаниях того времени: «Во время юности и огненных страстей каждая книга увлекает, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый разумом, подобно гражданину в бурные времена безначалия, переходит то на одну, то на другую сторону» [т. 1, с. 153].

В 1802 году учение было закончено.

И вот первый шаг будущего поэта в самостоятельную жизнь:

Его сиятельству господину действительному тайному советнику, члену Государственного совета, сенатору, министру народного просвещения и кавалеру графу Петру Васильевичу Завадовскому. Из дворян Константина Николаева сына Батюшкова. Покорнейшее прошение.

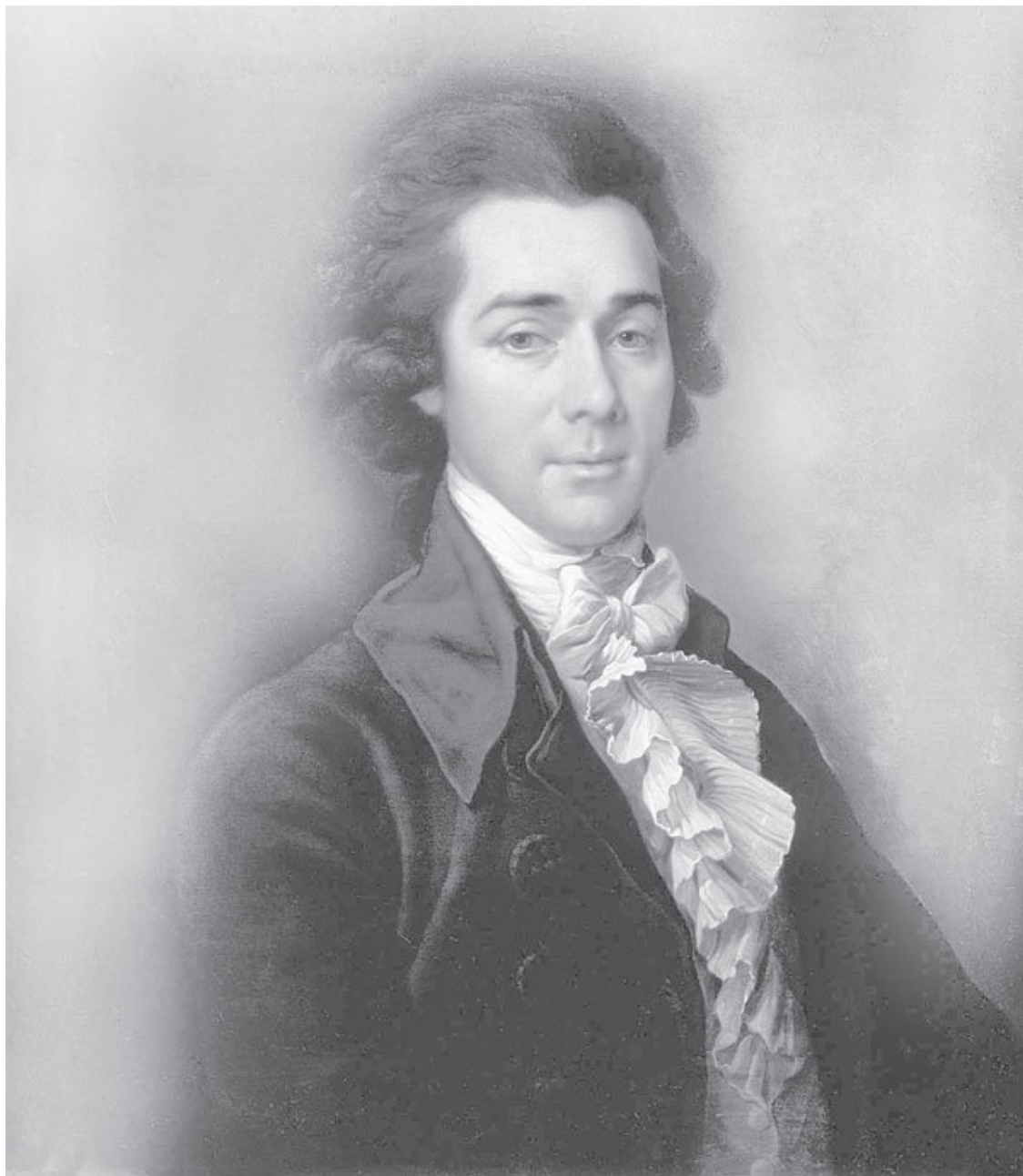
В службе его императорского величества нигде я определен не состою, а как я имею совершенные лета, то посему, ваше сиятельство, покорнейше и осмеливаюсь просить о определении меня в канцелярию министерства, высочайше вашему сиятельству вверенного, без произвождения мне жалованья, на собственное мое содержание.

К сему из дворян Константин Батюшков руку приложил.

Декабря... дня 1802.

Батюшков начал свою службу без жалования, в числе «дворян, положенных при департаменте Министерства народного просвещения». Через год ему был пожалован первый «табельный» чин коллежского регистратора.

А в 1804 году товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского университета, тайный советник Михаил Никитич Муравьев взял Батюшкова к себе на должность секретаря. «Я обязан ему всем, – писал Батюшков Жуковскому уже после смерти Муравьева, – и тем, может быть, что я умею любить Жуковского» [т. 2, с. 39].

Николай Александрович Львов

Если пройти от Екатерининского канала по бывшему Чернышеву переулку, теперь улице Ломоносова, и выйти на Садовую улицу, то на противоположной стороне, на углу справа, мы увидим торговые ряды Апраксина двора. Сегодня ничто уже не напоминает о том, что во времена Батюшкова здесь стояли здания только что созданного Министерства народного просвещения.

Михаил Никитич Муравьев, поэт, прозаик и просветитель конца XVIII столетия, приходился Константину Батюшкову двоюродным дядей. К сожалению, это имя очень мало известно современному читателю. Лишь в конце 1930 годов литературоведы обратили серьезное внимание на этого замечательного поэта-новатора.

Родился Михаил Никитич в 1757 году. Его отец, военный инженер, часто менял места службы. Сына и дочь он возил с собой. Из-за частых этих переездов будущий поэт систематического образования так и не получил: лишь полтора года он проучился в гимназии при Московском университете да несколько месяцев (до начала 1770 года) – в самом Университете. Однако это отсутствие единого и цельного образования не помешало М. Н. Муравьеву стать одним из образованнейших людей своего века. Еще в Оренбурге 5-летний Михаил учится немецкому языку и математике. На акте в гимназии при Московском университете 17 декабря 1769 года (в 12 лет!) он произнес «признательные речи» на французском и немецком языках. Живя в Архангельске (в 1770 году – ему 13 лет!), он ведет переписку со своим старшим товарищем по оставленному университету, который шлет ему краткие конспекты лекций по философии.

В 1772 году М. Н. Муравьев становится солдатом Измайловского полка. А за три года до него в бомбардирскую роту Измайловского полка поступил Николай Александрович Львов – замечательный деятель русской культуры второй половины XVIII века, в этом же полку служил будущий писатель и переводчик Николай Петрович Осипов. Оба они посещали полковую школу, учрежденную генерал-поручиком А. И. Бибиковым, переводчиком французской Энциклопедии, который, по словам Г. Р. Державина, «любил науки и Поэзию». За год до Муравьева в Измайловский полк нижним чином был принят будущий поэт и драматург Василий Васильевич Капнист, впоследствии друг и родственник Львова, – интересным был этот полк!

И вот в октябре 1772 года в полковую школу Бибикова вступает Михаил Никитич Муравьев. Во время прохождения службы он посещает в Академии наук лекции лучших профессоров, в том числе крупнейшего европейского математика Леонарда Эйлера и адъюнкта Академии Л. Ю. Крафта. Одновременно он проходит курс механики, физики, истории и естественных наук. Занимается живописью, часто бывает в Академии художеств, изучает греческий, английский, итальянский языки, ходит в театры, рисует, пишет стихи.

Биограф Н. А. Львова Александр Николаевич Глумов высказывает предположение, что Львов, может быть, и был инициатором этих занятий. Во всяком случае, в рукописном фонде Олениных Российской национальной библиотеке есть рукопись Муравьева «Жизнь Николая Александровича Львова», где Михаил Никитич называет Львова в числе своих учителей.

Того и другого объединяла любовь к мировой литературе. Муравьев давно уже писал стихи и пробовал свои силы в переводах. Теперь он начал заниматься античной философией, общественными науками и написал «Письмо о теории движения». Идеалом для него был М. В. Ломоносов.

Приезжая в Москву, Львов навещал отца Михаила Никитича – Никиту Артемовича Муравьева, который писал сыну, чтобы тот «искал дружбы» этого человека. Михаил Никитич был моложе Львова на шесть лет. После смерти Н. А. Львова Муравьев написал «Краткое сведение о жизни г-осподина тайного советника Львова», которое закончил такими словами: «величественный Державин, остроумный Капнист, уважали знания его».

В 1773–1775 годах (Муравьеву 16–18 лет!) выходят из печати семь его книг: «Басни в стихах», «Переводные стихотворения», «Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову» и др. Литературные круги Петербурга приветливо встречают способного юношу. Его наставником в поэзии становится поэт Василий Майков, ему покровительствует Михаил Херасков и приглашает для сотрудничества в своем журнале Николай Новиков. В это же время он начинает перевод «Илиады» Гомера, следуя стихотворному размеру подлинника, знакомится с актером и драматургом И. А. Дмитриевским, поэтами В. В. Капнистом, Я. Б. Княжнинным, сближается с Г. Р. Державиным.

В 19 лет Муравьёва принимают в члены Вольного российского собрания при Московском университете.

А продвижение по службе идет неуспешно. Он дослуживается всего до звания прапорщика и записывает в дневнике: «Гвардии прапорщиком я <стал> поздно, и своим величеством могу удивлять только капралов».

Кто-то обращает внимание Екатерины II на незаурядного, образованного прапорщика. Его переводят во дворец и с ноября 1785 года зачисляют в «кавалеры» и наставники великих князей Александра и Константина Павловичей. Он преподаёт им русскую словесность, русскую историю и нравственную философию, а после приезда в 1792 году невесты Александра обучает русскому языку будущую императрицу Елизавету Алексеевну.

В феврале 1796 года, по окончании воспитания цесаревича Константина, Муравьёв был уволен от службы в чине бригадира и перешел в статскую службу. В 1800 году он становится сенатором, а в 1801-м, после восшествия на престол его воспитанника Александра I, – статс-секретарем по принятию прошений. В 1803 году он уже тайный советник, товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского университета. Во времена Муравьёва при университете были организованы научные общества и институты, создан ботанический сад, началось издание «Московских ученых ведомостей».

Вот он-то и берет под свою опеку двоюродного племянника Константина Батюшкова.

Константин Николаевич Батюшков

В «муравейнике», как называли дом Муравьёва, очень ценились родственные связи. Михаил Никитич – мягкий и «домашний», обворожительная и ласковая тетушка Катерина Федоровна, замечательная обстановка большой петербургской квартиры. Всё это здесь, на месте нынешнего Апраксина двора...

«В 1802 году Батюшков вошел в эту квартиру легко и просто – и остался в ней на правах „своего“, на положении „любимчика“ и „баловня“», – пишет в своей книге о Батюшкове его биограф В. Кошелев. Муравьёву был обязан Батюшков и знанием латинского языка, и ранним развитием литературного вкуса. Под руководством Муравьёва он стал интересоваться и изучать классическую древность – читал Горация, Тибулла.

В начале XIX века возникло новое явление в общественной жизни – литературные салоны с хозяйкой во главе. В это время считалось, что женщина «хорошего общества» может быть основным арбитром литературного вкуса. На вырабатываемый в таких салонах язык без вульгаризмов, но и очищенный от книжной речи и профессиональных жаргонов, ориентировался Н. М. Карамзин, реформируя литературный язык. Даже Бестужев, писатель нового поко-

ления, пропагандируя русскую словесность, обращается к «читательницам и читателям». Так и обозначено на титульном листе знаменитой «Полярной звезды».

Эта перемена вкусов серьезно отразилась и в новой литературе. «Стихи твои, – пишет Батюшков Гнедичу, – будут читать женщины, а с ними худо говорить непонятным языком... я думаю, что вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, нежели чтение наших варваров» [т. 2, с. 103].

Анна Петровна Квашнина-Самарина была одной из первых салонных «законодательниц». Дочь сенатора и фрейлина Екатерины II, она не вышла замуж, так как очень дорожила своей свободой. В кружке ее почитателей были и Державин, и Капнист. Державин пробовал даже ухаживать за ней, но был вынужден отступить: «Она так постоянна, как каменная гора; не двинется и не шелохнется от волнующейся моей страсти».

Салон Самариной стал прообразом будущих литературных обществ. Батюшков попал в него 17–18-летним юношей и был очарован. «Поклонись Самариной: я душой светлею, когда ее вспоминаю», – пишет он Гнедичу в декабре 1810 года [т. 2, с. 151].

В «раннем оленинском кружке», или, по мнению В. М. Файбисовича⁷, кружке Озерова, Оленина и Шаховского А. П. Квашнина-Самарина занимала достаточно видное место: при его крушении, по образному выражению К. Н. Батюшкова, «одна Самарина осталась, как колонна между развалинами...» [т. 2, с. 96].

В этом обществе прислушивались и к голосу молодого Батюшкова: «...наряду с Н. И. Гнедичем и В. А. Озеровым, Батюшков был одним из ярких выразителей художественных поисков этого кружка в литературе первого десятилетия XIX века», – считает его биограф Вячеслав Кошелев⁸.

В 1804–1806 годах Батюшков был увлечен Прасковьей Михайловной Ниловой, женой тамбовского помещика, которая приходилась дальней родственницей Державину, так характеризовавшего ее:

Белокурая Параша,
Сребророзова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом⁹.

Батюшков в письме к Гнедичу так писал о «белокурой Параше»: «Которая... которую... ее опасно видеть!» [т. 2, с. 115].

Так появлялись первые стихи.

Весной 1805 года написано «Послание к Н. И. Гнедичу», где 18-летний Батюшков так представляет свое времяпрепровождение:

А друг твой славой не прельщался,
За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные шептал
И, глядя на людей – на пестрых кукол, – мечтал:
«Без скуки, без забот не лучше ль жить с друзьями,
Смеяться с ними и шутить,
Чем исполинскими шагами

⁷ Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 238.

⁸ Батюшков. Исследования и материалы. Сборник научных трудов / Научный редактор и составитель Р. М. Лазарчук. Череповец, 2002. С. 349.

⁹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2. Стихотворения. Ч. II. С. 184–186.

За славой побежать и в яму поскользить?» [т. 1, с. 349].

Батюшков считает поэта существом, живущим в двух мирах: в повседневности и в мире мечты:

Мы, право, не живем
На месте все одном,
Но мыслями летаем,
То в Африку плывем,
То на развалинах Пальмиры побываем,
То трубку выкурим с султаном иль пашой... [т. 1, с. 350].

В это время – в начале 1800-х годов – литературные общества стали появляться в столичных и провинциальных городах. Первым по времени явилось Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. И Константин Батюшков был принят туда 17-летним юношей. Первое опубликованное его стихотворение появилось в журнале «Новости русской литературы», в январской книжке 1805 года. Это так называемая сатира в подражание французским поэтам: «Послание к стихам моим». В этой сатире есть и стихотворные выпады против писателей-современников. Сатира Батюшкова появилась в печати почти сразу после выхода в свет «Рассуждения о старом и новом слоге» А. С. Шишкова, в котором тот резко нападал на Карамзина и утверждал тождество церковнославянского и русского языков.

Работа Шишкова открыла долгую литературную борьбу, а сатира Батюшкова стала одним из первых ответных выпадов против утверждений Шишкова.

В марте 1803 года в Департамент народного просвещения, где служил Батюшков, поступил «на вакацию писца» высокий человек в аккуратном, но стареньком сюртучке. Он был одноглаз и его правильное, красивое лицо было изрыто следами оспы. Звали его Николай Иванович Гнедич. Их знакомство вскоре перешло в дружбу, длившуюся всю жизнь.

Николай Иванович Гнедич

Гнедич происходил из бедной дворянской семьи с Полтавщины. Пять лет провел в семинарии. Кто-то из семинарского начальства обратил на способного юношу внимание и Гнедич был переведен в харьковский «коллегиум», который блестяще окончил в 1800 году. Он мог стать либо священником, либо учителем. Но Гнедич выбрал третью дорогу – Московский университет. «Он замечателен был, – вспоминал соученик Гнедича по университету С. П. Жихарев, – неутомимым своим прилежанием и терпением, любовью к древним языкам и страстью

к некоторым трагедиям Шекспира и Шиллера, из которых наиболее восхищался „Гамлетом“ и „Заговором Фиеско“»¹⁰.

Именно «Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера стал первым литературным переводом Гнедича, который доставил ему литературную известность в 1802 году. Тогда же он вынужден был оставить университет, так как необходимо было зарабатывать на жизнь. Гнедич переехал в Петербург и несколько лет вел жизнь почти нищенскую, перебиваясь заработками писца и литературой. Несмотря на то что литература не давала средств к безбедному существованию, Гнедич все же избрал для себя долю литератора.

Где-то около 1806 года Батюшков и Гнедич решили приняться за поэтические переводы выдающихся произведений мировой литературы.

Гнедич принялся за перевод «Илиады» Гомера, Батюшков – «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо. И тот, и другой были влюблены в подлинники; и тот, и другой великолепно знали языки: один – греческий, другой – итальянский.

Гнедич переводил «Илиаду» двадцать лет, совершив литературный подвиг. Интерес к «Илиаде» возник в России ещё в XVIII веке. В 1787 году предшественник Гнедича, Ермил Иванович Костров, издал первые шесть песен «Илиады» в переводе александрийским стихом. Гнедич взялся за перевод «Илиады» с того места, на котором остановился Костров. Перевел три песни и понял, что александрийский стих для этого перевода не годится. Он создал русский гекзаметр – и, перечеркнув свой труд нескольких лет, вновь принялся за перевод, который, бесконечно переделывая, выпустил в свет только в 1829 году в размере оригинала – гекзаметром...

Батюшков много читал и сочинения Тассо, и о Тассо, но непосредственную работу над переводами все откладывал.

К переводу «Освобожденного Иерусалима» он приступил лишь в 1808 году, находясь при этом на войне в Финляндии. В следующем году закончил перевод первой песни (до нас дошел лишь отрывок), перевел еще несколько отрывков из разных мест поэмы, но... на этом остановился. И как ни сердился на него Гнедич, как ни уговаривал продолжать – перевод далее не двинулся. Гнедич в послании «К К. Н. Батюшкову» приглашает его:

Туда, туда, в тот край счастливый,
В те земли солнца полетим,
Где Рима прах красноречивый
Иль град святой, Ерусалим¹¹.

Батюшков написал ответ на это послание: друг Гнедича поэт Батюшков «отслужил слепой богине, / Бесплодных матери сует». Он «покинул мирт и меч сложил», а теперь живет и – «безвестностью доволен» [т. 1, с. 217]. В облике и судьбе Торквато Тассо Батюшкова поражали многие и, как ему казалось, родственные и ему самому черты. Привлекали, поражали и пугали: он знал о тяжком своём наследии и часто мучился мыслью о неизбежном грядущем безумии.

Тассо родился в Соренто, вблизи Неаполя, у лазурного моря. В детстве он, как и Батюшков, потерял мать. Потом началась странническая жизнь – переезды из города в город. Батюшков же прошел три войны. Блестящая поэтическая слава у того и другого. Батюшкова потрясала несправедливость судьбы к великому поэту, автору «Ринальдо» и эпопеи о Первом крестовом походе. В 1575 году Торквато Тассо окончил эпическую поэму «Освобожденный Иерусалим», но она была подвергнута суду инквизиции...

¹⁰ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 190.

¹¹ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956.

Двадцать лет Торквато Тассо боролся с безумием: вспышки гнева, подозрительности, страха. Семь лет он провел в больнице для умалишенных в Ферраре, когда все думали, что это просто месть герцога поэту за несколько несдержанных слов. Многие современники ему сочувствовали, иностранные писатели стремились повидать его; у него побывал Мишель Монтень. Но и в больнице, и в новых скитаниях (иногда пешком) он пишет прекрасные стихи. В Милане, Флоренции, Неаполе и Риме его встречают с великим почетом. Папа Климент VIII готовит в Риме неслыханное со времен Петрарки торжество – увенчание поэта, по древнеримскому обычаю, лавровым венком на Капитолии. Тассо не дождался своего триумфа. Он умер в келье римского монастыря Св. Онуфрия.

Гнедич, особенно в этот период, был первым поверенным сочинений Батюшкова. Почти каждое свое сочинение Батюшков посылал ему, а уж Гнедич, если оно ему нравилось, отдавал в журналы.

Но еще большую роль в воспитании таланта поэта Батюшкова сыграли сочинения М. Н. Муравьева. Тот начинал как ученик «классиков» – Ломоносова и Сумарокова, а затем стал единомышленником Карамзина и Жуковского. Его наследие постигла участь, характерная для творчества поэтов переходного периода: «классики» отвернулись от него, а сентименталисты и романтики оценили только после смерти.

Благоговейное отношение к памяти М. Н. Муравьева, умершего в 1807 году, было характерно не только для Батюшкова и Гнедича, но и для Карамзина, Жуковского и их окружения.

Начав писать как бы «для себя», Муравьев отошел от высокой оды и попробовал взглянуть на окружающий мир не в плане классицистической традиции «Отечество, народ, человечество», а, убежденный в безусловной ценности личности, считал необходимым обосновать положение в мире отдельного человека. Место оды занимают интимный жанр, лирические мотивы. В поэзии Муравьева появляются эпитеты и сочетания, вошедшие впоследствии в лирику и Карамзина, и Жуковского, и Батюшкова¹².

Вот прямая перекличка:

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И Амуры на часах.

– это Муравьев, «Богине Невы». А вот Батюшков, «Ложный страх»:

Ты пугалась; я смеялся,
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за все ручался,
И Амуры на часах».

Перекличку с Муравьевым находим и у Пушкина в «Евгении Онегине». Муравьев, «Богине Невы»:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный Пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит.

¹² Кошелев В. А. Константин Батюшков. С. 53.

У Пушкина:

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит.

«Дом Муравьёвых» никогда не считался особенно открытым. В «муравейнике» очень ценились родственные связи. Дальним же свойственником Муравьёвых был молодой петербургский вельможа Алексей Николаевич Оленин. У Оленина была большая семья, но, в отличие от Муравьёвых, открытый дом. «Это имя, – пишет об А. Н. Оленине С. Т. Аксаков, – не будет забыто в истории русской литературы. Все без исключения русские таланты того времени собирались около него, как около старшего друга...»¹³.

В книге Яцевича «Пушкинский Петербург» сказано, что дома № 97, 99 и 101 получили в качестве приданого дочери Агафоклии Александровны Полторацкой. В начале XIX века дома под № 97 и 101 принадлежали ее дочери Елизавете Марковне, вышедшей замуж за А. Н. Оленина. Здесь происходили очень интересные события, но сведения о времени проживания там Олениных очень противоречивы. Впервые этот вопрос был исследован В. М. Файбисовичем, автором научной биографии Оленина. Как выяснилось, нынешний дом № 101, построенный в 1790–1793 гг. и который, собственно, и был приданым Елизаветы Марковны, Оленины занимали только до 1813 года. В этом году их собственностью стал дом № 97. Там, вплоть до 1819 года, и жила семья Олениных. Именно здесь бывал у них Пушкин. Именно здесь и произошло «чудное мгновенье» – встреча с А. П. Керн, которую до недавнего времени относили к дому № 101.

¹³ Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина. М., 1853. С. 12.

Алексей Николаевич Оленин

Что же касается К. Н. Батюшкова, то он бывал у Олениных и в том, и в другом доме, и на знаменитой их даче в Приютино. И всюду принимали его с большим удовольствием.

Со стороны матери А. Н. Оленин принадлежал к княжескому роду Рюриковичей, со стороны же отца – к скромному роду служилого дворянства, насчитывающему немногим более сотни лет.

Первоначальное образование Алексей Николаевич получил дома, а в 1774 году (12 лет от роду) зачислен в Пажеский корпус. Ко времени вступления А. Н. Оленина Пажеский корпус – прежде всего придворное учреждение, и юные дворяне зачислялись туда не столько для учебы, сколько для несения придворной службы с получением жалования. Что же касается Оленина, то он-то хотел учиться. В 1777 году в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия»

было опубликовано специальное исследование, посвященное списку книг юного пажа, насчитывающему 50 наименований.

После шести лет обучения в Пажеском корпусе он, в 1780 году, по высочайшему повелению, направляется «в Саксонию, в город Дрезден, для обучения воинским и словесным наукам в тамошней Артиллерийской школе». В Дрездене Оленину оказывает покровительство его дальний родственник – русский посланник князь Александр Михайлович Белосельский, впоследствии Белосельский-Белозерский, человек талантливый, разносторонне образованный и по происхождению прямой Рюрикович¹⁴. По словам Варвары Алексеевны Олениной, дочери Алексея Николаевича, князь Белосельский был «решительно ему отцом».

Князю Александру Михайловичу Белосельскому-Белозерскому у нас посвящена отдельная глава в книге «По Фонтанке. Из истории петербургской культуры».

Вскоре после возвращения из Дрездена А. Н. Оленин поступил на действительную службу, где пробыл около 10 лет. Военная карьера завершилась в 1795 году. Он был «при отставке пожалован полковником».

Еще до выхода в отставку Оленин сблизился с львовско-державинским кружком, куда его ввели В. В. Капнист и Н. А. Львов. По свидетельству поэта, баснописца и крупного сановника И. И. Дмитриева, «Н. А. и Ф. П. Львовы, А. Н. Оленин и П. А. Вельяминов составляли почти ежедневное общество Державина».

В отличие от Г. Р. Державина, великого поэта, который считал себя в первую очередь человеком государственным, служебная карьера не представляла для А. Н. Оленина главного смысла жизни, хотя он и был крупным сановником: секретарем Государственного совета и многих комитетов и комиссий. «Этот достойный сановник, – пишет о нем С. С. Уваров, – был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он все свободное время посвящал своим любимым предметам. Может быть, ему недоставало вполне этой быстрой, наглядной сметливости, этого утонченного пронизательного чувства, столь полезного в деле художеств, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов, много содействовала успехам русских художников».

Страстный коллекционер, он стал первым директором и фактическим устройщиком Публичной библиотеки в Петербурге, куда в 1811 году на должность помощника библиотекаря им был принят Н. И. Гнедич, а в 1812 г. на такую же должность – И. А. Крылов.

Разносторонние интересы Оленина побуждали его включать в собрание библиотеки разного рода редкости непрофильного характера, и в 1815 году К. Н. Батюшков преподнес библиотеке два мамонтовых клыка, найденных в Тверской губернии. Такое включение в собрание библиотек естественнонаучных и этнографических памятников, считает В. М. Файбисович, автор монографии об А. Н. Оленине, было данью традициям XVIII в., когда библиотеки соединялись с кабинетами редкостей.

Еще в Страсбурге и Дрездене, где он учился на артиллерийского офицера, Оленин страстился к пластическим искусствам. Он был неплохой рисовальщик и гравер, а заведывая с 1797 года Монетным двором, познакомился и с медальерным искусством. Когда в 1817 году он стал президентом Академии художеств, известие это было воспринято в обществе с большой радостью. К. Н. Батюшков писал Оленину из деревни, что «вместе со всеми умными, просвещенными и здоровыми рассудком людьми» [т. 2, с. 444] радуется назначению его президентом Академии художеств. Сам император покровительствовал ему и называл тысячеискусником – «Tausendkünstler».

В доме Олениных на Фонтанке и в пригородной усадьбе Приютино встречались дипломаты и ученые, писатели и художники. «Нигде нельзя было встретить столько свободы, удовольствия и пристойности вместе, – писал Ф. Ф. Вигель, – ни в одном семействе – такого

¹⁴ См. о нем: Айзенштадт В., Айзенштадт М. По Фонтанке. Страницы истории петербургской культуры. М.; СПб, 2006.

доброго согласия, такой взаимной нежности, ни в каких хозяевах – столько образованной приветливости»¹⁵.

Батюшков как-то сразу стал у Олениных «своим». «Любезный мой Константин, хотя не порфирородный, но пиитоприродный», – писал ему Оленин¹⁶. В конце февраля 1807 года Батюшков внезапно и неожиданно для всех оставил Петербург, удобную квартиру у М. Н. Муравьева и выехал в Прусский поход в качестве сотенного начальника Петербургского милиционного батальона. Слово «милиция» означало тогда «войско, формируемое из граждан только на время войны», то есть народное ополчение.

16 ноября 1806 года Александр I подписал манифест о войне с Францией. Русские войска под командованием Беннигсена, вступив в Пруссию, нашли ее почти безоружной и чуть не всю завоеванную Наполеоном. Русская армия оказалась в изоляции, одна против гораздо более сильных войск французов. А к этому времени Россия еще не вполне выпуталась из Персидской кампании.

Вот тогда-то, 30 ноября 1806 года, и вышел манифест императора о создании народного ополчения. Патриотический подъем в стране был небывалым. Молодые дворяне охотно шли в ряды ополченцев. В адрес милиционных округов поступало большое количество пожертвований: деньги, драгоценности, недвижимое имущество... Прелюдия к «грозе двенадцатого года», когда, как писал В. А. Жуковский,

...явилось все величие народа,
Спасаящего трон, и святость алтарей,
И древний град отцов, и колыбель детей¹⁷.

Общий этот поток подхватил, видимо, и Батюшкова. 17 февраля 1807 года он пишет отцу: «...Падаю к ногам твоим, дражайший родитель, и прошу прощения за то, что учинил дело честное без твоего позволения и благословения, которое теперь от меня требует и Небо, и земля...» [т. 2, с. 66].

Ужели слышать все докучный барабан?
Пусть дружество еще, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом
Того, кто невзначай Ареев вздел кафтан
И с клячей величавой
Пустился кое-как за славой¹⁸.

28–29 мая произошло сражение под Гейльсбергом.

О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,

¹⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 327–328.

¹⁶ Цит. по: Кошелев В. А. Константин Батюшков. С. 57.

¹⁷ Жуковский В. А. Собрание сочинений в четырех томах. М.; Л., 1959–1960. Т. 1. С. 199.

¹⁸ Батюшков К. Н. Н. И. Гнедичу / Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 241.

На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла, как мечта!..

«Воспоминание» [т. 1, с. 366–368].

В официальных документах отмечается «отменная храбрость» губернского секретаря Батюшкова. В воспоминаниях А. С. Стурдзы написано, что поэта «вынесли полумертвого из груды убитых и раненых товарищей»... Пуля пробила Батюшкову бедро и, вероятно, повредила спинной мозг. Во всяком случае, именно эта рана стала главной причиной многочисленных болезней и недугов Батюшкова.

Потом в его жизни будут еще и войны, и сражения, но ни разу не будет он ни ранен, ни контужен.

Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным...

При Гейльсберге русские солдаты дрались геройски, но полководцы не сумели воспользоваться победой: армия отступила. 25 июня 1807 года в Тильзите был заключен мир. Батюшкову не пришлось стать свидетелем поражения. Он был помещен в юрбургский госпиталь, а затем перевезен в Ригу. «Не тревожьтесь о моем теперешнем состоянии, – пишет он сестрам, – Хозяин дома Мюгель – самый богатый торговец в Риге. Его дочь очаровательна, мать добра, как ангел: все они меня окружают и для меня музицируют...» [т. 2, с. 72].

Леонид Николаевич Майков, самый фундаментальный из биографов Батюшкова пытался отыскать в Риге следы этой семьи, но его поиски оказались безрезультатны.

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе, и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел пред собою,
Как утешителя, как ангела небес!..
<...>

Черты Эмилии находят специалисты во многих стихах Батюшкова (так называл ее Батюшков в своих стихах, но может быть это условное поэтическое имя, как Хлоя или Мальвина).

Я помню утро то, как слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,

Я в первый раз узрел цветы и деревья...
Какое счастье с весной воскреснуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна.)
Я, восхищен природой красной,
Сказал Эмили: «Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весной оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Что б было без весны?... Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!»
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,
Соединив уста с устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна!
<...>
И я, обманутый мечтой,
В восторге сладостном к ней руки простираю,
Касаюсь риз ее... и тень лишь обнимаю! [т. 1, с. 366–368].

27 сентября 1807 года вышел манифест Александра I о роспуске милиции. Батюшков решил остаться в армии.

Он снова в Петербурге. Военная служба началась не очень удачно: осенью он тяжело заболел и хворал всю зиму. Из письма А. Н. Оленину: «Вы просиживали у меня умирающего целые вечера, искали случая предупредить мои желания...» [т. 2, с. 84]. В эту зиму Батюшков особенно сблизился с семейством Оленина. Он почти ничего не пишет. Публикует лишь басню «Пастух и Соловей», посвященную драматургу В. А. Озерову, но тем не менее становится уже заметной фигурой в российской словесности.

«Прелестную его басню, – откликается Озеров в письме к Оленину, – почитаю истинно драгоценным венком моих трудов. Его самого природа одарила всеми способностями быть великим стихотворцем»¹⁹.

Были замечены и его военные подвиги.

Рескрипт

*«Господин губернский секретарь Батюшков! В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражении прошедшего мая 29-го при Гейльсберге и Лаунау противу французских войск, где вы, находясь впереди, поступали с особенным мужеством и неустрашимостью, жалую вас кавалером ордена святыя Анны третьего класса, коего знак у сего к вам доставляю; повелеваю возложить на себя и носить по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей. Пребываю вам благосклонный
Александр
С.-Петербург, 20 мая 1808»²⁰.*

Но вскоре Константин Николаевич Батюшков снова на войне, теперь – русско-шведской. По условиям Тильзитского мирного договора Россия должна была примкнуть к Франции в континентальной блокаде Англии. 28 января 1808 года снова начались военные действия, на этот раз против Швеции, отказавшейся участвовать в блокаде. А территория Швеции в то время распространялась и на Финляндию. К лету почти вся Финляндия была очищена от шведских

¹⁹ Русский архив. 1869. № 2. С. 137.

²⁰ РНБ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 2. Цит. по: Кошелев. Константин Батюшков. С. 73.

войск. Затем вой на затынулась. Александр I сменил командование и выслал значительное подкрепление, в числе которого был отправлен и батальон гвардейских егерей, где прапорщик Батюшков, решивший остаться в армии, состоял в должности адъютанта.

Здесь, в Финляндии родился первый опыт Батюшкова в прозе – цитируемый здесь и далее «Отрывок из писем русского офицера из Финляндии» [т. 1, с. 93–99].

«Какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды! Какой предмет для живописи и сии великие огни, здесь и там раскладенные, вокруг которых воины толпятся в часы холодной ночи! Этот лес, хранивший безмолвие, может быть, от создания мира, вдруг оживляется при внезапном пришествии полков... Вскоре гласы умолкают; огонь пылающих костров потухает; ратники почил, и прежнее безмолвие водворилось; изредка прерываемо оно шумом горного водопада или протяжными откликами часовых, расположенных на ближних вышинах против лагеря неприятельского; месяц, склонясь к своему западу, освещает уже безмолвный стан».

1 ноября 1808 года он пишет сестрам из Иденсальми: «Приезжаю в батальон, лихорадка мучит 7 дней. Прикладываю мушку к затылку; кричат: „Тревога!“ Срываю, бегу в дело – и подивитесь, друзья мои, теперь здоров... Я оставался со своей ротой в резерве, но был близ неприятеля. Что бог вперед даст, не знаю»...

Но когда нет сражения, в нем просыпается художник:

«Куда ни обратишь взоры, везде, везде встречаешь или воды, или камни. Здесь глубокие, длинные озера омывают волнами утесы гранитные, на которых ветер с шумом качает сосновые рощи; там – целые развалины древних гранитных гор, обрушенных подземным огнем или разлитием океана... Леса финляндские непроходимы; они растут на камнях. Вечное безмолвие, вечный мрак в них обитает... Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях; или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно протекших, – пагубные следы войны и разрушения!»

Дела русских войск в Финляндии осложнились. Шведы подняли финнов на партизанскую войну. Они заваливали камнями и бревнами дороги, жгли деревни, припасы, теряя при этом огромное число людей.

«Теперь, – писал Батюшков, – всякий шаг в Финляндии ознаменован происшествиями, которых воспоминание и сладостно, и прискорбно. Здесь мы победили; но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы! Там упорный неприятель выбит из укреплений, прогнан; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа – и смерть!»

Батюшков уже не воспринимает войну однозначно. Любая победа заставляет его задуматься о цене ее. Но он художник...

«Здесь царство зимы... Едва соседняя скала выказывает бесплодную вершину; иней падает в виде густого облака; деревья при первом утреннем морозе блистают радугой, отражая солнечные лучи тысячью приятных цветов. Но солнце, кажется, с ужасом взирает на опустошения зимы; едва явится, и уже погружено в багровый туман, предвестник сильной стужи. Месяц в течение всей ночи изливает серебряные лучи свои и образует круги на чистой лазури небесной, по которой изредка пролетают блестящие метеоры. Ни малейшее дуновение ветра не колеблет дерев, обеленных инеем: они кажутся очарованными в своем новом виде. Печальное, но приятное зрелище – сия необыкновенная тишина и в воздухе, и на земле!»

Исследователь жизни Батюшкова Петр Паламарчук считает, что в поэзии и прозе Батюшкова есть некая «лунная» тайна, без которой многие его произведения лишились бы во многом своей трагической глубины.

С наступлением весенней распутицы шведская кампания снова приняла затяжной характер. Батюшков, страдая от болезней, а еще больше от безделья и одиночества, подал в отставку. Надо было ждать решения из Петербурга.

Из письма К. Н. Батюшкова к А. Н. Оленину (24 марта 1809 года, Надендаль): «Здесь так холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразие. Скука стелется по снегам, а без затей сказать, так грустно в сей дикой, бесплодной пустыне без книг, без общества и часто без вина, что мы середины с воскресеньем различить не умеем. И для того прошу вас покорнейше приказать купить мне Тасса (которого я имел несчастье потерять) и Петрарка, чем меня чувствительнейше одолжить изволите...» [т. 2, с. 84].

«В каком ужасном положении пишу к тебе письмо сие! – это Гнедичу. – Скучен, печален, уединен. И кому поверю горести раздранного сердца? Тебе, мой друг, ибо все, что меня окружает, столь же холодно, как и самая финская зима, столь же глухо, как камни» [т. 2, с. 84].

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад
Ужель вкушать не буду боле?..

«Совет друзьям» [т. 1, с. 355].

Наконец, в начале июня 1809 года, вышла отставка, и Батюшков «полетел» в Петербург, а около 10 июля он был уже в своем Хантонове Новгородской волости – имении, унаследованном от матери. От этой усадьбы сейчас почти ничего не сохранилось: последние следы парка были уничтожены, по неведению, в 1974 году... На месте усадьбы стоит высоковольтная вышка; бывшие уступы засеяны льном.

На театре же войны со Швецией, после длительных переговоров, в сентября 1809 года был подписан мирный договор, по которому Швеция уступала России Финляндию.

А Батюшков живет в своем полуразрушенном господском доме с двумя незамужними сестрами. Очень красивая природа.

«Это был тихий и величавый уголок русского Севера, – пишет в книге «Константин Батюшков» Вячеслав Кошелев. – Огромный живописный холм „у волн Шексны“. На холме вырыты декоративные уступы. На самом верху – дом и флигелек... Рядом... – липовая аллея и два декоративных пруда прямоугольной формы. Возле – сирени, акации, заросшие аллеи... На втором уступе – цветник. Цветы на куртинах станут потом особой заботой поэта, привозившего и посылавшего отовсюду новые диковинные семена. Нижний уступ – парк в английском роде...».

Сегодняшние старожилы Хантонова особенно вспоминают его. „Клены диковинные, липы, рядочками посаженные, еще какие-то деревья, сирень и еще другие кусты, а поодаль – крупный ельник, голубые ели рядочками посажены“.

Добираться до Хантонова долго и тяжело. Дорога едва проезжая: леса и леса, болота и болота. До ближайшего губернского города – Вологды – сто с лишним верст²¹.

А когда-то Жуковский писал сюда Батюшкову:

Вхожу в твою обитель:

²¹ Кошелев В. А. Константин Батюшков. С. 81.

Здесь весел ты с собой,
И, лени друг, покой —
Дверей твоих хранитель...²²

У Батюшкова почти полное безденежье: имение давно заброшено, хозяйство идет плохо и давно «отпало от прибылей», хронически обнаруживаются плутни приказчиков.

В августе 1809 года он пишет Гнедичу:

«Где ты поживаешь, друг мой? Радищев [сын писателя] пишет, что на дачу переезжаешь. Приезжай лучше сюда; решишь, и дело в шляпе.

Тебя и Нимфы ждут, объятая простирая,
И Фавны дикие, кроталами играя,
Придешь – и все к тебе навстречу прибегут
Из древ – Гамадриады,
Из рек – обмытые Няи,
И даже сельский поп, сатир и пьяный плут».

[т. 2, с. 96–97].

Гнедич ответил: «Ты думаешь точно, как рыцарь Ламаханский: оседлал Рыжака, надел лоханку на голову и поехал: так бы и я сделал, если б не имел ни дел... ни обязанностей...».

Дело в том, что Гнедич обучал драматическую актрису Екатерину Семеновну Семенову театральной декламации. Она попросила камергера двора князя Ивана Алексеевича Гагарина, впоследствии ставшего ее мужем, выхлопотать для Гнедича «пенсион» за перевод «Илиады» Гомера. «Я начинал, начинал, начинал, да и до сих пор не кончил стихи, которые мне очень хотелось написать ей; хотя я уже благодарил ее прозою, но стихами, – стихами поблагодари хоть ты за меня», – попросил Гнедич.

Батюшков отвечал: «Ты получил пансион! Сердце у меня выскочить хотело от радости... Да здравствует князь Гагарин!.. Ну, слава Богу, имеешь кусок верного хлеба; великое дело!» [т. 2, с. 99]. В сентябре 1809 года он написал и, от имени Гнедича, послал Семеновой благодарственные стихи.

Впоследствии Пушкин расценивал многолетний труд Гнедича над переводом «Илиады» как «высокий подвиг»:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

В апреле 1809 в Петербурге был поставлен «Танкред» Вольтера в стихотворном переводе Гнедича. «Я был вне себя от радости, – писал ему Батюшков. – Я знал, я предчувствовал, что „Танкред“ будет хорошо принят, но меня еще более радует, отгадай что? Твоя радость... Ты не даром потерял свое время...» [т. 2, с. 92].

Здесь мы считаем нужным поговорить о становлении российского театра, хотя напрямую Батюшков в этом участия не принимал. Но вот что пишет автор монографии, посвященной Оленину, В. М. Файбисович: «В эпоху становления национального сознания в России сцена превратилась в школу слова, где шлифовалась модель литературного языка, из которого партер творил язык разговорный. В это время театр оказывал сильнейшее воздействие на общество, и литературные партии ожесточенно боролись за влияние в нем». А значение Батюшкова в становлении современного русского языка трудно переоценить.

²² Жуковский В. А. Собрание сочинений. Т. 1. С. 119.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.